ЖАНЪ МОРЕАСЪ

СТИХИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
„ВѢКА И ДНИ"

ЖАНЪ МОРЕАСЪ.

СТИХИ.

19 ИЗДАТЕЛЬСТВО „ВѢКА и ДНИ“ 19

Стихотворенія „Къ Энонѣ“, „Ноктюрнъ“ и „Я родился не здѣсь“ помѣщены въ переводѣ В. Брюсова, „Быль о берклейской старухѣ“, изъ „Повѣсти о любви“, „Never more“, „Графиня Эсмеральда“ и „Пѣснь, отчего такъ тиха ты“—В. Маккавейскаго, „Сатиры и осень“ и „Стансы“—И. Эренбурга.

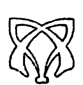
ОБЛОЖКА РАБОТЫ В. РОХЛИНА.

КЪ ЭНОНѢ.

Сестра плѣнительная Феба!
Глядясь въ зерцало водъ съ безоблачнаго неба,
Услышь мой тихій стонъ, я плачу, я скорблю!
О, сынъ земли, зачѣмъ я воспѣвалъ Эрота!
Эротомъ я сраженъ, навѣки я люблю.

Ведя свой ясный путь въ небесныя ворота,
Луна! ты внемлешь мнѣ, тоскѣ моей души.
Я знаю: никогда на дѣвственное ложе
Твое—брадатый Панъ не восходилъ въ тиши.
Но горько-сладкій огнь, твои мечты тревожа,
Къ Карійскимъ высотамъ тебя когда-то влекъ,
Гдѣ юноша-пастухъ скитался, одинокъ.

О Феба! ласковымъ сіяньемъ
Благослови мой жалобный напѣвъ,
Пусть, вѣтромъ разнесенъ, тревожитъ юныхъ дѣвъ
Онъ безутѣшнымъ, пламеннымъ страданьемъ!

НОКТЮРНЪ.

Тукъ-тукъ, тукъ-тукъ.—„Ты кто, старикъ?"
—Я, ваша милость, гробовщикъ.

—„Сюда, сюда, тебя я жду,
Высокій кленъ сруби въ саду,
Тяжелый гробъ мнѣ приготовь,
Чтобъ схоронить мою любовь."

Тукъ-тукъ, тукъ-тукъ.—„Стучи, старикъ,
Спѣши работать, гробовщикъ!"

„Ты бѣлымъ тюлемъ гробъ обвѣй,
Какъ грудь у ней, какъ грудь у ней!
И голубой прибавь уборъ,
Какъ милый взоръ, какъ милый взоръ!"

Тукъ-тукъ, тукъ-тукъ.—„Стучи, старикъ,
Спѣши работать, гробовщикъ!"

„Вотъ тамъ, вотъ тамъ, гдѣ кленовъ рядъ,
Въ тотъ часъ, когда погасъ закатъ
И мѣсяцъ всталъ и круглъ, и алъ,
Другой къ ея устамъ припалъ."

Тукъ-тукъ, тукъ-тукъ.—„Ты кто, старикъ?"
—Я, ваша милость, гробовщикъ.

—„Иди въ мой садъ,—иди, я жду.
Высокій кленъ сруби въ саду,
Тяжелый гробъ мнѣ приготовь,
Чтобъ схоронить мою любовь."

САТИРЫ и ОСЕНЬ.

Вчера, блуждая по рѣдѣющему лѣсу,
Я встрѣтилъ трехъ сатировъ за кустомъ.
Одинъ, какъ будто подражая Геркулесу,
Махалъ большимъ оливковымъ стволомъ.
Другой тащилъ свой козій мѣхъ. Сгущались тѣни,
И вечеръ гасъ въ прозрачной вышинѣ,
А третій, сидя на замшенномъ пнѣ,
Дулъ нѣжно въ дудочку, и въ тишинѣ осенней
Протяжный звукъ дрожалъ едва-едва,
И два сатира, прыгая, вкругъ пня плясали.
Шуршала подъ копытами трава,
И листья мертвые испуганно взлетали.

Я родился не здѣсь—у моря
Сапфирно-синяго. Въ пескахъ
Тамъ лиліи растутъ. Въ ихъ блѣдныхъ лепесткахъ
Не твой ли милый ликъ съ улыбкой тихой горя?
Не тѣло ли твое сгибается въ волнахъ,
Когда сгибаются ихъ стебли, съ вѣтромъ споря?
Когда жъ, въ вечерній часъ, сверкаютъ небеса
И море имъ въ отвѣтъ... О, не твои ль глаза
Сверканіе родного моря?

СТАНСЫ.

I.

Когда тебя гнететъ судьба земная,
Надъ ней смѣешься ты,
На лирѣ ты играешь, самъ не зная,
Къ чему твои мечты.

Осудитъ, можетъ быть, старикъ ученый
Твой безполезный даръ,
Не вѣрь ему—у Музъ и Аполлона
Такъ много дивныхъ чаръ.

Оставь людей! Растутъ и крѣпнутъ дѣти,
Смѣняютъ стариковъ,
Но для тебя ихъ жизнь, какъ все на свѣтѣ,
Лишь средство для стиховъ.

II.

Когда, рыдая точно надъ могилой,
Въ златые листья облаченъ,
Промчался надъ долинами унылый
Печальный Аквилонъ,

Что разсказалъ онъ вѣткѣ, сохранившей
Послѣднiй жалкiй цвѣтъ,
Зарѣ ноябрьской и душѣ, таившей
Еще былого слѣдъ?

III.

О море, когда я приду къ тебѣ снова,
И сяду одинъ надъ тобой,
Чтобъ скучныя жалобы сердца земного
Покрылъ твой растущій прибой,

Не только кидай въ меня пѣной соленой,
Хлестни меня острой волной,
Чтобъ въ горечи спалъ я, навѣкъ утоленный
Твоей золотой глубиной.

IV.

Мнѣ внемлютъ только мертвецы и я живу въ могилахъ,
Я ненавижу самъ свою игру,
Кидаю горстью сѣмена для вороновъ унылыхъ
И пышной жатвы я не соберу.

Я не ропщу на жизнь... Что сердцу буйства Аквилона
И клевета, и боль, и горечь дней,
Когда касаюсь я тебя, о лира Аполлона,
И ты звучишь все чище и сильнѣй?

V.

Внезапно прорывая муть небесъ тяжелыхъ,
На воды, на сады и на печаль мою
Сквозь вѣтки праздныя каштановъ полуголыхъ
Ты, солнце осени, льешь теплую струю.

Но для чего? Оставь осенней непогоды
И холодъ злой, и вѣтеръ, и ночей печаль,
Которые срываютъ листья, мутятъ воды
И душу дѣлаютъ упорной, точно сталь.

ИЗЪ ПОВѢСТИ О ЛЮБВИ.

Зима и сѣтуетъ вьюга,
Снѣгъ засыпаетъ садъ;
И въ наши сердца, подруга,
Хлопья снѣга летятъ.

Вчера было лучше: лѣто.
Свѣтлые ливни лились,
Ольхи влагой одѣты
И въ огородахъ маисъ.

Еще цвѣты были въ домѣ,
Лепетъ лилій былъ живъ,
А завтра—розы въ соломѣ
И всплески плакучихъ ивъ,

Журчащихъ зеленью тряской
О напрасномъ быломъ;
А завтра—смертная пляска
Ликовъ съ блѣднымъ челомъ...

Сердцебіеній зимы
Въ длани дневій мутнѣй...
И вечера безъ любимой,
И зори въ разлукѣ съ ней.

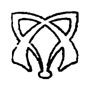
NEVER MORE.

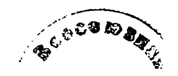
За туманами метели
Влажнымъ глазомъ плачетъ газъ...
Скроемъ трауромъ отъ глазъ
Все, что раньше мы имѣли.

Ливнемъ заливаетъ щели
Все сильнѣе каждый разъ,
Завтра гробъ возьметъ у насъ
Все, чѣмъ были мы доселе...

О, пойдемъ ли мы, сестра,
Непослушные, какъ дѣти,
Въ бурю вновь мечтать о лѣтѣ,

Вспоминая, какъ вчера,
Про душистыя гирлянды...
Стужи выкосили ланды.

ГРАФИНЯ ЭСМЕРАЛЬДА.

Съ рыжей гривою конь бьетъ копытами рѣзко
Синій мохъ перелѣска.
Бѣлой птицей летятъ точно пѣна потока
Перья чернаго тока.
Все звончѣе галопъ и какъ пѣна потока
Перья чернаго тока.
Все проворнѣе рысь и, повадку мѣняя,
Догоняетъ борзая.
Королевну и дочь своей матери крестной
Сваталъ онъ въ эту весну.
Съ рыжей гривою конь бьетъ копытами рѣзко
Синій мохъ перелѣска.

Безъ дуэньи графиня перстами изъ воска
Поправляла прическу;
Гребешкомъ золотымъ, на балконѣ въ томленьи,
Безъ пажа и дуэньи;
И когда улыбалась, жасминъ и лилеи
Становились бѣлѣе.
И графиня одна безъ пажа и дуэньи
На балконѣ въ томленьи.

Такъ торопитесь вы не въ походъ ли опасный,
О, мой всадникъ прекрасный?
—Королевну и дочь моей матери крестной
Сваталъ я въ эту весну.
Въ вашихъ черныхъ кудряхъ точно синія росы,
Лунный свѣтъ мои косы.
—Королевну и дочь моей матери крестной
Сваталъ я въ эту весну.
—А когда улыбаюсь, бываютъ бѣлѣе
И жасминъ и лилеи!

И графиня въ сѣдлѣ, и взлетаютъ высоко
Перья черного тока.

Съ рыжей гривою конь бьетъ копытами рѣзко
Синій мохъ перелѣска.
Не возьметъ уже дочь своей матери крестной
Онъ женой въ эту весну.

Пѣснь, отчего такъ легка ты,
Тихо, точно съ фелуки,
Сквозь мандолинъ пиччикато
Доносящая звуки?

Въ олово зноя вдѣланъ
Кѣмъ аромать апельсина,
И куда это въ бѣломъ
Идутъ пилигриммы чинно?

А эта дама—кто это?
Кажется, что когда то
Васъ писалъ Тинторетто
Въ пестрыхъ складкахъ броката.

Ахъ, я припоминаю:
Это поблекшія были,
Современныя маю,
О которыхъ забыли.

БЫЛЬ О БЕРКЛЕЙСКОЙ СТАРУХѢ.

Линялый воронъ побурѣлъ, какъ сычъ...
Его ли кличъ?.. Его ли это кличъ?..

Тебя-ль казнитъ разгнѣванный зенитъ
Устами тучъ, что надъ низиной Нитъ?

Ты говоришь: пора сгорѣть зарѣ;—
Ищите сына, что въ монастырѣ.

Пусть онъ придетъ и приведетъ сестру:
Прости мнѣ Богъ! Сегодня я умру.

И вотъ спѣшатъ съ Дарами въ злую ночь
И сынъ аббатъ и инокиня дочь.

Узрѣвъ дѣтей у гробовой доски,
Старушечьи расширились зрачки,

И стали два зрачка какъ двѣ дыры,
Узрѣвъ дѣтей и въ ихъ рукахъ—Дары.

Души со дна не когти ль этихъ рукъ
Нечеловѣческій исторгли звукъ?

—„Дары Христовы уберите прочь...
Я проклята и этимъ не помочь.

Ужели Онъ устамъ не помянетъ
Ихъ брашна—мертвечину и пометъ?

Я шабаши справляла безъ числа.
Я цѣловала чернаго козла.

Младенчиковъ кусала алый ротъ
И собирала зелье-приворотъ,

Разрывъ-траву и всякую траву
Для дѣвушекъ, рожающихъ во рву...

Синьору Веліару не нужны
Напоминанія моей вины:

Вина ясна; молитва не сильна;
За мной пришлетъ Великій Сатана.

Но пусть на саванѣ моемъ лежитъ
Святой водой обрызганный самшитъ.

Заколотите гробъ. Внесите въ храмъ.
Прикуйте цѣпью къ четыремъ стѣнамъ.

И частоколомъ изъ большихъ свѣчей
Обороните отъ Троихъ Ночей.

Пусть клиръ поетъ стихири и псалмы,
Чтобъ не было ни тишины, ни тьмы.

Колокола съ тяжелымъ языкомъ
Пускай гудятъ всю ночь подъ потолкомъ

Доколь не засѣрѣетъ третій мракъ.
По слову моему да будетъ такъ".

Ея уста уже не говорятъ,
И сталъ блуждающимъ тяжелый взглядъ;

Застыла кровь подъ кожей, какъ смола;—
Берклейская старуха умерла.

Окроплена святой водой лежитъ
Она въ гробу и на груди—самшитъ.

Дубовый гробъ поставленъ въ Божій храмъ.
Прикованъ цѣпью къ полу и стѣнамъ,

И частоколъ немеркнущихъ свѣчей
Противоборствуетъ крылу ночей.

И клиръ поетъ и канты и псалмы;
Во храмѣ нѣтъ ни тишины, ни тьмы.

Колокола подъ самымъ потолкомъ
Пудовымъ помаваютъ языкомъ.

И въ ночь одну былъ ярымъ клирный гласъ
И свѣчи—дѣвичьихъ свѣтлѣе глазъ.

Лишь издали бѣсовскій несся хоръ
Подобенъ вѣтру на вершинахъ горъ,

Что по ночамъ изнеможенно-злой
Мететъ снѣга холодною метлой.

И ужаса усердьемъ обуянъ
Читаетъ miserere капелланъ.

Громчаютъ въ куполахъ колокола,
Ихъ аллилуйя слозно исполла;

У гроба же колдуньина дрожатъ
Лишь инокиня дочь и сынъ аббатъ.

Но прозвучала пѣсня пѣтуха
И снова церковь сдѣлалась тиха.

Но въ ночь вторую тѣ же купола
Устлала охра, сѣра и зола,

И демоновъ уже немолчный вой,
Казалось, былъ надъ самой головой,

И мѣди звонъ ихъ воемъ удрученъ,
И глуше вереница антифонъ,

И капелланъ бѣлѣе бѣлыхъ ризъ,
И капеллана взоръ опущенъ внизъ.

Блѣдны монаха ницїя уста,
А инокинины бѣлѣй холста.

Но, снова внявъ вострубью пѣтуха,
Святая церковь сдѣлалась тиха.

И третья ночь пришла въ глухомъ чаду
И, мнилось, Церковь Божїя—въ аду.

Какъ бурные сполохи въ ноябрѣ
Мерцаютъ канделябры въ алтарѣ.

Какъ бурнаго прибоя булава,
Что разбиваетъ полуострова,

Какъ половодья вешняго вода,
Тамъ хороводитъ адова орда.

И, точно зѣвы водосточныхъ трубъ,
Осклабы несмыкающихся губъ;

А всякїй, кто молился, онѣмѣлъ,
И лица стали бѣлыми, какъ мѣлъ.

И пали замертво въ снѣга сутанъ
Сестра, и братъ, и клиръ, и капелланъ;

Благовѣстить не властны звонари,
А далеко до утренней зари.

Но вотъ звенитъ оконное стекло...
Не мощи ли вздохнули тяжело?

Не на потѣху ли кромѣшной тьмѣ
Потухли свѣчи, плача о псалмѣ?..

Съ двери упалъ засовъ ея большой—
Пришелъ лукавый за твоей душой.

И ярко церковь озарилась вновь
Его глазами красными, какъ кровь.

Упала звонко цѣпь на камни плитъ,
Упала гулко крышка на гранитъ.

Наказанъ грѣхъ и славенъ Сатана...
Не ты ль ему была обручена?..

Тебѣ ли въ притекающемъ, какъ тать,
Синьора Веліара не узнать?..

И трупъ поднялся въ ледяномъ поту,
И саванъ палъ, открывши наготу;

И черный конь ихъ за оградой ждалъ—
Снопомъ огонь въ ноздряхъ его пылалъ,

Старуха сѣла сзади на сѣдло—
И въ мигъ одинъ ихъ вихремъ унесло.

А отъ дорогъ, гдѣ ѣхали они—
Христосъ-Господь дѣтей своихъ храни!

ИЗДАТЕЛЬСТВО „ВѢКА и ДНИ“.

Гомель, Садовая, 21.

Вышли и поступили в продажу:

И. Эренбургъ. Огонь. Стихи. ц. 9 р.

Жанъ Мореасъ. Стихи.

Печатаются и готовятся к печати:

Фр. Нитше. Такъ говорилъ Заратустра. Неизданныя главы.

Анри де-Ренье. Стихи и поэмы.

Д. Выгодскій. Дистихи.

З. Шнеуръ. Стихи и поэмы.

Л. Выгодскій. Похвала ослу. О Крыловѣ.

Римскіе элегики. Катуллъ. Тибуллъ. Проперцій.

Въ издательствѣ выразили согласіе сотрудничать: В. Аренсъ В. Брюсовъ, Н. Венгровъ. Д. Выгодскій, М. Гершензонъ, Е. Зозуля, В. Маккавейскій, В. Рохлинъ, В. Ходасевичъ, Г. Шенгели, Л. Шестовъ, Эренбургъ и другіе.

ЦѢНА 7 РУБ.